

Воспоминанія графа Константина Константиновича Бенкендорфа о кавказской лѣтней экспедиціи 1845 года.

(Souvenir intime d'une campagne au Caucase pendant l'été de 1845).

Настоящія воспоминанія заключаютъ въ себѣ личныя впечатлѣнія, вынесенныя авторомъ изъ участія его въ экспедиціи 1845 года графа Воронцова въ Андю и Ичкерію, экспедиціи—особо и исключительно интересной, одинъ изъ отдѣльныхъ кровавыхъ эпизодовъ которой носилъ названіе „Сухарной оказіи“ или „Сухарницы“.

Съ увольненіемъ изъ Кавказа А. П. Ермолова, съ 1826 года покореніе Кавказа пошло по ложному пути вплоть до конца пятидесятихъ годовъ, когда, наконецъ, мы взялись за умъ и при извѣстномъ напряженіи силъ и цѣлесообразныхъ мѣропріятіяхъ кончили эту продолжительную и дорого стоящую государству войну.

Особо напряженный и роковой для насъ характеръ приняла борьба въ періодъ съ 1839 по 1846 годы. Наши неудачи съ 1840 по 42 годы кончились катастрофой 1843 года въ Дагестанѣ. Въ 1844 году войска на Кавказѣ были значительно усилены, но это мало помогло дѣлу, ибо планъ дѣйствій—„кончить съ Шамилемъ однимъ рѣшительнымъ ударомъ, въ условіяхъ нанесенія его въ центрѣ могущества Шамиля, гдѣ и утвердиться, т. е. въ *Дарго*“,—совершенно не отвѣчалъ обстоятельствамъ, и честный Нейдгартъ отказался отъ исполненія этого плана, составленнаго въ Петербургѣ и предложеннаго къ непремѣнному исполненію. Нейдгартъ былъ смѣненъ, а исполненіе плана было отложено на 1845 годъ и возложено на графа Воронцова. Опытный когда-то военачальникъ и тонкій дипломатъ, графъ Воронцовъ къ этому времени представлялъ просвѣщеннаго вельможу, скорѣе политика и администратора, но

уже нѣсколько отставшаго отъ военнаго дѣла и совершенно незнакомаго съ особенными условіями веденія войны на Кавказѣ.

Еще съ 1844 года войска на Кавказѣ были усилены 5-мъ пѣх. корпусомъ, но командиръ его генераль *Лидерсъ*, равно какъ и его штабъ и сами войска корпуса не были знакомы съ особенностями веденія здѣсь войны, а опытные и знающіе кавказскіе генералы не только не были спрошены, но бѣльшей частью устранены отъ участія въ главной экспедиціи (кн. Аргутинскій, Фрейтагъ и др).

Изъ опытныхъ кавказцевъ назначены въ экспедицію кн. *Бебутовъ*, *Клюки фонъ-Клюгенау*, *Пассекъ* и *Лабынцевъ*, но первому въ началѣ похода было поручено управленіе тыломъ и снабженіе отряда, а малораспорядительный, хотя и храбрый, какъ шпага, *Клюгенау* и блестящій *Пассекъ*,-- молодой талантливый, честолюбивый и пылкій, а равно какъ и опытный и мастеръ своего дѣла *Лабынцевъ*—не могли возмѣститъ недостатка въ знающихъ свое дѣло частныхъ начальникахъ, тѣмъ болѣе, что ихъ держали во второстепенныхъ роляхъ.

Графъ Воронцовъ, сохранивъ штабъ и свиту Нейдгарта, привезъ еще свой штабъ и исключительно многочисленную свиту, что, въ соединеніи со штабомъ Лидерса и группой именитой военной молодежи, направленной за лаврами изъ Петербурга, составило весьма значительную, небывалую для Кавказа по размѣрамъ группу лицъ свиты и штабовъ, что непомерно увеличивало вьючный обозъ, въ ущербъ подвижности и боеспособности отряда. Вообще на отрядъ силой около дивизіи было слишкомъ много начальства, свиты и штабовъ.

Въ составъ войскъ „Главнаго“ отряда вошли по два и по три баталіона отъ Кавказскихъ войскъ и отъ 5-го корпуса и части различныхъ казачьихъ частей и разнаго вида милицій, что сообщило отряду столь вредную разнородность состава, а многочисленность свиты, штабовъ и обозовъ придава отряду невиданный на Кавказѣ характеръ, осужденный опытными и старыми кавказцами.

Опытные кавказскіе военачальники предсказывали полную неудачу (Фрейтагъ, кн. Аргутинскій, Лабынцевъ и др.), и самъ Воронцовъ началъ терять вѣру въ успѣхъ похода, изготовленнаго цѣликомъ въ Петербургѣ, безъ всякаго соображенія мѣстныхъ условій, но выполненіе похода было условіемъ его назначенія, и тонкій дипломатъ Воронцовъ пишетъ графу Чернышову наканунѣ выступленія: „Если бы даже полученное мною приказаніе дѣйствовать въ этомъ году наступательно, прежде, чѣмъ вновь приняться за устройство передовой Чеченской линіи, было противно моему мнѣнію, какъ несогласны съ нимъ все здѣшніе генералы, то я все же исполнилъ бы его съ тѣмъ же рвеніемъ, но я откровенно говорю здѣсь все тѣмъ,

что это также и мое мнѣніе (т. е. я согласенъ съ „пославшими мя“), что неблагоразумно избѣгать встрѣчи съ Шамилемъ и возможности нанести ему вредъ, что устроить наши дѣла лучше всего. Если Богу негодно будетъ благословить насъ успѣхомъ, мы все-таки сдѣлаемъ нашу долгъ, не будемъ виноваты (умываемъ руки!) и обратимся къ методической системѣ“¹⁾.

Послѣ этого дипломатическаго обращенія къ военному министру, въ которомъ графъ Воронцовъ, видимо не вѣря въ успѣхъ, все-таки ведетъ отрядъ въ экспедицію и заранѣе умываетъ себѣ руки, прикрываясь исполнительностью, онъ дней пять спустя вновь обращается къ графу Чернышеву: „Повергните меня къ стопамъ Его Величества, я не смѣю и надѣяться на большой успѣхъ нашего предпріятія, но сдѣлаю, разумѣется, все, что будетъ отъ меня зависѣть, чтобы выполнить Его желаніе и оправдать Его довѣренность“²⁾.

Въ походѣ приняли участіе значительное число извѣстныхъ тогда и впослѣдствіи лицъ, изъ коихъ многіе остались здѣсь на мѣстѣ или были ранены даже нѣсколько разъ, нѣкоторые сложили свои головы на Кавказѣ позднѣе, нѣкоторые прославились потомъ на Кавказѣ или въ Имперіи, а потому, полагаемъ, есть извѣстный интересъ перечислить ихъ, указавъ убитыхъ и раненыхъ въ этомъ походѣ. При графѣ Воронцовѣ, въ свитѣ состояли: принцъ Александръ Гессенскій (братъ Цесаревны Маріи Александровны), при немъ полковникъ Самсоновъ, князь *О. И. Паскевичъ* (сынъ фельд-маршала), при немъ капитанъ *Беклемишевъ* (здѣсь раненъ); сынъ графа Воронцова *Семенъ*, графъ *Александръ Сергѣевичъ Строгановъ*, князь *Александръ Голицынъ*, князь *Эмилій Витгенштейнъ*, князь *Ираклій Грузинскій*, баронъ *Александръ Павловичъ Николаи* (впослѣдствіи завѣдывающій гражд. частью управл. намѣстника и министръ народнаго просвѣщенія), князь *Ал. Ив. Гагаринъ* (убитъ въ Кутансѣ, будучи воен. губернаторомъ), генералы—*Викторовъ* и *Фокъ* (оба здѣсь убиты), *Минквицъ*, *Мих. Павл. Щербининъ*, поручикъ *Иедлинскій* (тогда еще австрійской службы, здѣсь раненъ, извѣстный впослѣдствіи на Кавказѣ острякъ и каламбуристъ), флигель-адъютантъ *Сколковъ*; адъютанты графа Воронцова и офицеры для порученій: поручики—*Лонгиновъ* (здѣсь убитъ), *Глѣбовъ* (раненъ, а въ 1847 г. убитъ подъ Салтами), князь *Сергѣй Илларионовичъ Василь-*

¹⁾ Письмо Воронцова графу Чернышеву, отъ 25 мая 1845 г., изъ Внезапной (Кавк. Сборн. томъ VI, стр. 281).

²⁾ Письмо графа Воронцова графу Чернышеву, отъ 30 мая, изъ Внезапной. (Тамъ же, стр. 288).

чиковъ (раненъ), князь *М. А. Дундуковъ-Корсаковъ* (раненъ), баронъ *Шептингъ* (раненъ, а потомъ убитъ), *Альбрантъ* (раненъ), *Дружининъ*, юнкеръ *графъ Чапскій*, юнкеръ князь *Яшвилъ* (впоследствии командиръ л.-гв. Гусарскаго полка), баронъ *Врангель*, князь *Михаилъ Лобановъ-Ростовскій*, князь *Трубецкой*, *Веревкинъ*, князь *Ревасъ Андронниковъ*, подполк. *Качени* (ран.), ротм. *Лазебниковъ* (ран.), шт.-кап. *Фонъ-Кауфманъ* (ран.).

Изъ офицеровъ Генеральнаго Штаба, помимо Начальника Штаба отряда Владиміра Юсифовича *Гурко* (отецъ фельдмаршала), отмѣтимъ: полковника *Мильковскаго*, барона *Ипполита Вревскаго*, (убитъ въ 1858 г.), *Ковалевскаго* (убитъ при штурмѣ Карса въ 1854 г.), подп. *Левиссона* (убитъ здѣсь), *Корсакова* (убитъ здѣсь), *Козлякинова* (раненъ), барона *Дельвига* (раненъ), *графа Гейдена* (раненъ), впоследствии нач. Глав. Штаба, *Леонтьева* (раненъ), *Артура Адамовича Непокойчицкаго* (впоследствии Нач. Шт. дѣйствующей въ 1877 г. на Дунаѣ арміи), *Мих. Иван. Дараганъ* и капитана *Прушановскаго* (тяжело здѣсь раненаго).

Изъ строевыхъ офицеровъ, помимо генераловъ-героевъ этого похода—*Пассека* (здѣсь убитаго) и *Лабынцева*, отмѣтимъ генераловъ *Козлякинова* (нач. артиллеріи), *Безобразова* и *Бѣлявскаго* (раненаго) и блестящихъ штабъ-офицеровъ: *Познанскаго*, *Ранжевскаго*, *Завалиевскаго* и командира Навагинцевъ *Бибикова* (всѣ четверо здѣсь убиты), капитана Николая Петровича *Колюбакина* (раненаго, впоследствии кутаисскаго губернатора), князя *Александра Ивановича Бяратинскаго* (раненаго, будущій фельдмаршалъ), юнкера Кабардинскаго полка, здѣсь произведеннаго въ прапорщики, князя *Димитрія Святополкъ-Мирскаго*, командира Кабардинскаго полка, извѣстнаго героя Викентія Михайловича *Козловскаго* (раненаго), полковника *Сервиорога* (убитаго здѣсь), *графа Стейнбока* (тяжело раненъ и умеръ въ концѣ похода, старый доблестный кавказецъ), *Корнилова* (двоюродный братъ Севастопольскаго героя, тяжело раненъ и тутъ же умеръ), Любл. полка подп. *Кривошеева* (убитъ), маіора *Ритца* (убитъ), подполк. *Авдѣева* (ран.), полк. *Витовскаго* (ран.), подп. *Левашева* (ран.), подп. *Синюхаева* (ран.), полк. *Меллера-Закомельскаго* (ран.), маіора *Семенова* и полк. *Степанова* (оба ранены), поручика *Лапы* (ран.) и мн. др.

Во главѣ милиціи мы видимъ здѣсь героевъ: князя *Илью Димитріевича Орбеліани* (убитаго въ 1854 г. во главѣ командуемаго имъ Грузинскаго Гренад. полка), князя *Левана Меликова* (впоследствии помощникъ Намѣстника) и князя *Александра Эрстова* (раненаго здѣсь одновременно съ авторомъ воспоминаній), *Захарія Эрстова* и др.

Изъ адъютантовъ и ординарцевъ Лидерса назовемъ: ротмистра *графа де-Бальмена* (извѣстнаго художника, скорѣе превосходнаго рисовальщика), юнкера *Башилова* (оба здѣсь убиты въ одинъ день) и юнкера *Амосова* (раненъ въ щеку), гвард. пор. *Гербеля* (ран.), ротм. *Кованько* (убить), капитана *Ключарева* (адъют. Клюгенау—убить), шт.-кап. *Савича* (убить), поручика *фонъ-Блюма* (ран.); затѣмъ адъютанта Пассека ротм. кирас. Ея Велич. полка *Ольховскаго* (также здѣсь убитаго); такимъ образомъ только изъ послѣднихъ названныхъ здѣсь лицъ шестеро убиты, а остальные всѣ переранены.

Авторъ воспоминаній происходилъ изъ древней лифляндской рыцарской фамиліи. Отецъ его — Константинъ Христофоровичъ ¹⁾ былъ извѣстный боевой дѣятель эпохи 1812—1815 гг. и, служа все это время въ летучихъ и партизанскихъ отрядахъ, прошелъ отличную боевую школу, командуя въ 1813 и 14 гг. самостоятельно отдѣльными летучими отрядами ²⁾. Въ двадцатыхъ годахъ прошлаго столѣтія онъ былъ посланникомъ въ Штутгартъ, но въ предвидѣніи войны съ Персією въ 1825 г., онъ, страстно любя военное дѣло, снова надѣлъ мундиръ, поѣхалъ на Кавказъ и принялъ живое участіе въ персидской кампаніи 1826—27 гг., съ выдающимся отличіемъ командуя у Паскевича авангардомъ, получивъ здѣсь, въ числѣ прочихъ наградъ, званіе генераль-адъютанта.

Соединяя съ боевыми заслугами прекрасное образованіе, Константинъ Христофоровичъ былъ извѣстенъ въ литературѣ рядомъ трудовъ, такъ, въ „Сѣверной Пчелѣ“ печатались „Письма изъ Персіи“, заключающія въ себѣ извлеченія изъ его весьма интересныхъ писемъ съ театра войны („Пребываніе Аббасса мирзы въ русскомъ лагерѣ“ и др. очерки); также извѣстенъ его трудъ—„О казакахъ и службѣ вообще легкихъ войскъ“, изданный на французскомъ языкѣ. По окончаніи войны К. Х. Бенкендорфъ сдѣлался жертвой нездороваго климата театра войны и, больной, покинулъ Кавказъ, оставивъ по себѣ память „рыцаря безъ страха и упрека“. Съ началомъ турецкой войны, 1828—29 г., еще не оправившись отъ болѣзни, онъ поѣхалъ вновь въ армію, на Дунай и въ Болгарію, и здѣсь, командуя летучимъ отрядомъ, проникъ на Балканы, въ тылъ турецкой арміи, и 7-го іюня занялъ Праводы, захвативъ богатую добычу, но это былъ уже послѣдній его подвигъ, и въ августѣ болѣзнь свела его въ могилу на 44-мъ году всего жизни.

¹⁾ Родной братъ извѣстнаго шефа жандарм. Александра Христофоровича.

²⁾ Въ 1813 г., при преслѣдованіи французовъ послѣ Лейпцига, Бенкендорфъ первымъ занялъ своимъ отрядомъ г. Амстердамъ и возстановилъ династію Оранскаго дома.

Въ 1832-мъ году братъ покойнаго Александръ (шефъ жандармовъ) былъ возведенъ въ графское достоинство, но, по неимѣнію имъ дѣтей мужского поколѣнія, достоинство это Высочайше повелѣно перенести на сына его умершаго брата Константина, т. е. на автора настоящихъ воспоминаній.

Авторъ воспоминаній Константинъ Константиновичъ, окончивъ Пажескій корпусъ, вышелъ въ л.-гв. конный полкъ, былъ затѣмъ адъютантомъ военнаго министра, но, несмотря на блестящее положеніе въ обществѣ и связи, обеспечивавшія ему военно-придворную карьеру, на жизнь въ столицѣ и на глазахъ у Государя, предпочелъ, подобно своему отцу, лишенія и опасности „погибельнаго Кавказа“. Добившись назначенія въ кавказскій корпусъ, Константинъ Константиновичъ прошелъ здѣсь отличную боевую школу подъ руководствомъ такихъ выдающихся боевыхъ дѣятелей, какъ незабвенный *Алексѣй Александровичъ Вельяминовъ* и доблестный *Робертъ Карловичъ Фрейтагъ* и руководство подобныхъ знатоковъ военнаго дѣла оставило въ немъ неизгладимые слѣды истиннаго его пониманія.

Всею душой Бенкендорфъ пристрастился къ славнымъ кавказскимъ войскамъ и къ кавказской боевой и походной службѣ и жизни тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ, этого, по истинѣ „героическаго періода войны“, жизни, полной лишеній, трудовъ, опасностей и своеобразной поэзіи. Въ этихъ непрестанныхъ походахъ, то на Кубани, то въ Черкессіи, то въ Чечнѣ или Дагестанѣ, Бенкендорфъ, воинъ по крови и по призванію, оцѣнилъ кавказскія войска и всѣмъ сердцемъ привязался къ кавказскому солдату, къ которому до послѣднихъ дней своей жизни сохранилъ особое глубокое поклоненіе, обожаніе и сердечную привязанность. „Чудныя войска, которыми, кажется, никогда достаточно не нахвалишься“, говоритъ онъ въ своихъ воспоминаніяхъ. Въ 1839-мъ году онъ сдѣланъ флигель-адъютантомъ, но, побывавъ въ Петербургѣ, продолжалъ свою боевую службу на Кавказѣ, участвуя въ экспедиціяхъ вплоть до роковаго для него Даргинскаго похода 1845-го года, вынудившаго его, за потерей здоровья отъ неслыханныхъ лишеній и за тяжкими многими ранами, полученными въ этой экспедиціи, и сохранивъ жизнь только какимъ-то чудомъ, прежде всего заняться основательнымъ леченіемъ, а затѣмъ навсегда оставить боевую службу въ строю. Страданія отъ тяжкихъ ранъ не оставили его до конца жизни. Не владея свободно лѣвой рукой и особенно страдая отъ шашечныхъ ранъ, Бенкендорфъ продолжалъ службу по военно-дипломатической части, былъ нѣкоторое время нашимъ военнымъ агентомъ въ Берлинѣ, затѣмъ женился и въ тѣхъ же военно-дипломатическихъ обязанностяхъ участвовалъ въ венгерской кампаніи 1849 г. и

восточной 1853—55 гт., состоя при арміи Въ 1855. г. Бенкендорфъ получаетъ званіе генераль-адъютанта, а три года спустя въ 1858 г.—тѣ же раны свели его въ могилу.

Настоящіе мемуары были изданы въ Парижѣ княземъ Григоріемъ Гагаринымъ на французскомъ языкѣ, въ весьма ограниченномъ числѣ экземпляровъ, и составляютъ библиографическую рѣдкость; по свойственной ему скромности, покойный не предназначалъ ихъ большой публикѣ, а только кружку близкихъ, но, полагаемъ, что 70 лѣтъ спустя грѣшно держать ихъ подъ спудомъ, такъ какъ они имѣютъ историческое значеніе.

Среди своихъ начальниковъ и подчиненныхъ, равно среди начальниковъ, друзей и пріятелей, графъ К. К. Бенкендорфъ оставилъ, подобно своему отцу, память человѣка „безъ страха и упрека“ и, одновременно, человѣка мыслящаго и чрезвычайно скромнаго.

Князь Александръ Михайловичъ Дундуковъ-Корсаковъ, участникъ той же экспедиціи, часто въ теченіе ея встрѣчаясь съ Бенкендорфомъ, много разъ вспоминаетъ его въ своихъ запискахъ и, мало кого щадя въ нихъ, отзывается о немъ всегда съ особымъ уваженіемъ и теплотой.

„Графъ Бенкендорфъ рыцарски благородная личность, столь цѣнная Воронцовымъ, которую никто изъ знавшихъ его близко никогда не забудетъ“, говоритъ о немъ Дундуковъ, рассказывая случай, когда Бенкендорфъ велъ въ атаку отрядъ при движеніи къ Герзель-аулу, гдѣ онъ и былъ тяжело раненъ ¹⁾.

Обладая большой наблюдательностью и сосредоточивая свои наблюденія на существенныхъ сторонахъ войны, нашего положенія въ краѣ, отношенія къ туземцамъ, особенностяхъ веденія здѣсь войны и особенно бытовой стороны арміи и на качествахъ русскаго солдата на Кавказѣ, Бенкендорфъ даетъ превосходную всему этому характеристику, а равно и весьма цѣнный очеркъ этой бѣдственной и безцѣльной экспедиціи и мѣткую и правдивую оцѣнку событій и лицъ, много посвятивъ характеристикѣ нашего несравненнаго кавказскаго солдата того времени.

Справедливо воздавъ должное огромному значенію А. А. Вельяминова, какъ, по истинѣ, творца системы, пріемовъ и способовъ веденія здѣсь войны, Бенкендорфъ превосходно обрисовываетъ и самую личность этого первокласснаго кавказскаго военнаго дѣятеля, котораго онъ ставитъ выше Алексѣя Петровича Ермолова.

¹⁾ Старина и Новизна. Т. VI. Воспом. кн. Дундукова-Корсакова, стр. 137-ая.

Интересной вереницей проходятъ здѣсь передъ нами характеристики участниковъ экспедиціи и прежде всего величественная фигура *графа Воронцова*, точнаго исполнителя навязаннаго ему изъ Петербурга плана экспедиціи и очутившагося съ первыхъ шаговъ своей дѣятельности на Кавказѣ въ рѣдко трудномъ положеніи даже для полной всякихъ кризисовъ и ужасовъ кавказской войны и, тѣмъ не менѣе, внушившаго войскамъ своимъ олимпійскимъ величіемъ, выдержкой, неизмѣннымъ спокойствіемъ и рѣдкимъ холоднымъ мужествомъ въ минуты кризисовъ экспедиціи,—довѣріе и глубокое уваженіе.

Очень интересна также характеристика героя многихъ славныхъ дѣлъ и, особенно, всѣхъ арріергардныхъ дѣлъ этой экспедиціи (труднѣйшихъ и опаснѣйшихъ на Кавказѣ), большого мастера руководить труднымъ дѣломъ отступленія арріергарда, типичнаго боевого служака и стараго ворчуна, когда-то командира Кабардинскаго полка, генерала *Ивана Михайловича Либынцева*, этого „Нея Кавказской арміи“, по словамъ Бенкендорфа, затѣмъ богато во всѣхъ отношеніяхъ одареннаго, пламеннаго, отважнаго и непомерно честолюбиваго *Пассека*, знающаго, храбраго, но „страшнаго“, по словамъ Бенкендорфа, „фрондера“ *Ковалевскаго* и многихъ другихъ интересныхъ боевыхъ дѣятелей того времени, блиставшихъ геройствомъ, яркими талантами и представлявшихъ интересные типы, которые вырабатывала эта продолжительная, своеобразная война, полная тяжелыхъ лишеній, вѣчной опасности, сильныхъ ощущеній, и одновременно своеобразной прелести походной жизни на ловѣ дикой и величественной природы.

Изъ описанія эпизодовъ экспедиціи превосходно изложено у Бенкендорфа пребываніе отряда Пассека на „Холодной горѣ“ и положеніе вообще раненыхъ на послѣднемъ до освобожденія Фрейтагомъ бивакѣ отряда у Шаухаль-Верды ¹⁾.

При правильномъ отношеніи къ событіямъ и правдивости изложенія записки графа Бенкендорфа, наравнѣ съ воспоминаніями князя *Дундукова-Корсакова*, барона *Николаи*, *Геймана*, барона *Дельвига*, *Нечаева* и *Горчакова*, имѣютъ большую цѣнность для изслѣдованія этой высоко-интересной, полной драматическихъ эпизодовъ и безпримѣрной по стойкости и благородному мужеству кавказскихъ войскъ—экспедиціи въ Дарго въ 1845-мъ году.

В. Колюбакинъ.

1) До чего были велики потери отряда въ офицерахъ, свидѣлствуютъ цифры; всего выбыло изъ строя за три недѣли экспедиціи 189 шт.-и оберъ-офицеровъ, изъ коихъ убито 37, а изъ числа 119 раненыхъ большинство тяжело и по нѣсколько разъ, и уже конечно остались калѣками на весь остатокъ своей жизни.

Предисловіе парижскаго издателя (1858 г.).

«Составлено княземъ Григоріемъ Григорьевичемъ Гагаринымъ, извѣстнымъ художникомъ, впоследствии вице-президентомъ академіи художествъ, бывшимъ личнымъ другомъ автора воспоминаній).

Лѣтомъ 1845-го года графъ Бенкендорфъ, весь покрытый тяжелыми ранами, пріѣхалъ въ Парижъ лѣчиться и для необходимаго отдыха. Во время своего выздоровленія, на досугѣ, подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ пережитыхъ событій, онъ принялся писать свои воспоминанія о походѣ, изъ котораго онъ спасся какимъ-то чудомъ.

Какъ человѣку высоко-порядочному и военному до мозга костей, болѣе всего претило ему говорить о себѣ самомъ, а тѣмъ болѣе рассказывать о своихъ подвигахъ. Набрасывая эти замѣтки, онъ не имѣлъ ни малѣйшаго намѣренія сдѣлать ихъ достоиніемъ печати; еще едва оправившись отъ ранъ, онъ назначилъ себѣ извѣстный срокъ, чтобы дать время остыть свѣжимъ впечатлѣніямъ, которыя не могли бы не потускнѣть передъ новѣйшими событіями.

Воспоминанія эти онъ писалъ исключительно для себя и для своихъ, а если и давалъ ихъ читать кому-либо изъ близкихъ друзей, то дѣлалъ это крайне рѣдко и съ большимъ разборомъ. Теперь, когда жестокая и преждевременная смерть отняла его у насъ и когда главные дѣйствующія лица этой Кавказской драмы вычеркнуты изъ списка живыхъ, мы считаемъ своимъ долгомъ воздать дань уваженія его свѣтлой памяти, ознакомивъ общество съ этой благородной личностью во всей простотѣ его открытаго и прямого характера.

Мы постараемся сохранить доказательства глубокой любви покойнаго къ родинѣ, къ Кавказу и къ военной службѣ. Въ этихъ воспоминаніяхъ мы увидимъ, съ какимъ безпристрастіемъ и добротой онъ относился къ людямъ, съ которыми ему приходилось сталкиваться, и какъ чувство долга всегда одерживало въ немъ верхъ надъ всѣми остальными чувствами, нерѣдко подвигая его на крайніе подвиги.

Личныя воспоминанія графа К. К. Бенкендорфа о кавказскомъ походѣ въ лѣто 1845-го года.

Я вовсе не намѣренъ писать исторію военныхъ дѣйствій на Кавказѣ въ лѣто 1845-го года. Я просто хочу возстановить въ памяти самому себѣ и моимъ друзьямъ мое скромное участіе въ походѣ въ качествѣ командира баталіона. Въ этихъ воспоминаніяхъ я отдохну душой, они перенесутъ меня въ эпоху моей жизни, полную молодости и силъ, они напомнятъ мнѣ любимый край, воскресятъ былые сны и наиболѣе мнѣ дорогія симпатіи. Тѣмъ не менѣе,

*

я не могу начать свое повѣствованіе, не сказавъ о времени, къ которому оно относится, и о тѣхъ причинахъ высшаго порядка, которыя породили главнѣйшія событія.

Могущество Шамиля страннымъ образомъ возросло со времени взятія Ахульго—кровою катастрофы, которая только очень ненадолго задержала развитіе этого могущества ¹⁾.

Возстаніе въ Чечнѣ, неудачныя экспедиціи генерала Граббе въ 1842-мъ году, смерть Ахметъ-хана Мехтулинскаго, послѣдняго опаснаго (для Шамиля и его ученія) представителя монархическихъ началъ въ Дагестанѣ, паденіе въ 1843-мъ году нашихъ фортовъ въ Аваріи, возстаніе въ Аваріи и въ Акушѣ, завоеваніе шамхальства, бездѣйствіе нашихъ войскъ въ Темиръ-Ханъ-Шурѣ, отложеніе Даніэльбека султана Елисуйскаго, единственнаго туземнаго вождя, имѣвшаго какое-либо личное значеніе, который до этого времени оставался намъ вѣренъ, нелѣпая военная прогулка 1844-го года ²⁾,— всѣ эти событія въ глазахъ туземцевъ, равно, какъ и въ нашихъ, являлись побѣдами Шамиля.

Наше дѣло было проиграно и мы стыдились своего безсилія. Всѣ желали, надѣялись и съ нетерпѣніемъ ожидали событія, которое измѣнило бы это печальное настроеніе умовъ.

Эти надежды и желанія были, наконецъ, удовлетворены извѣстіемъ о назначеніи графа Михаила Семеновича Воронцова главнокомандующимъ Кавказской арміею. Это назначеніе было встрѣчено съ единодушнымъ восторгомъ не только на Кавказѣ, гдѣ уже давно ждали своего освободителя, но и во всѣхъ остальныхъ частяхъ обширной имперіи, гдѣ имя графа Воронцова стояло очень высоко въ общественномъ мнѣніи. Имя, связанное со славной и блестящей эпохой войнъ 1812—1815 годовъ, было всегда дорого Россіи.

Обладая въ высшей степени всѣми качествами, всѣми данными для того, чтобы покорять сердца или просто нравиться, перечислить

¹⁾ Остается неяснымъ, въ какомъ смыслѣ и для кого событіе 1839-го г. признается авторомъ катастрофой. Для насъ это все же была побѣда, хотя и безплодная и стоившая намъ много крови и громаднхъ лишеній, т. е. побѣда кровавая, во которой мы не умѣли воспользоваться. *Б. К.*

²⁾ Графъ Бенкендорфъ, видимо, повторяетъ здѣсь оцѣнку похода 1844 г., сдѣланную въ Петербургѣ, такъ какъ эта „нелѣпая прогулка“ составляла уклоненіе отъ указанія изъ Петербурга о способѣ дѣйствій. А между тѣмъ виновникъ „прогулки“ ген.-адъют. Нейдгартъ поступилъ прямодушеѣе графа Воронцова въ 1845 г., не предпринявъ этого безцѣльнаго и погубительнаго Даргинскаго похода, за исполненіе котораго, даже не вѣря въ его успѣхъ, взялся графъ Воронцовъ. Нынѣ, владея официальными первоисточниками и при богатствѣ мемуаровъ, всѣ эти затѣи 1845 и 1844 годовъ получаютъ, наконецъ, правильное освѣщеніе. *Б. К.—з.*

которыя отняло бы у насъ много времени и которыя къ тому же всѣмъ хорошо извѣстны, графъ Михаилъ Семеновичъ соединялъ съ ними еще и тѣ, которыя въ Россіи подкупаютъ всѣ симпатіи и всегда плѣняютъ—я хочу сказать о внѣшности графа. Красавецъ въ свои 65 лѣтъ, высокаго роста, съ прекрасными и изысканными манерами, графъ прежде всего былъ большой баринъ, качество тѣмъ болѣе почтенное, что оно со дня на день становится все болѣе и болѣе рѣдкимъ. Это качество свойственно старому поколѣнію, которое и унесетъ его съ собой въ могилу. Сыновья, люди съ громкими именами, подчасъ и съ большимъ состояніемъ, но это не бары.

Графъ Михаилъ Семеновичъ кромѣ того владѣлъ большимъ состояніемъ и всегда былъ очень щедръ по отношенію своихъ окружающихъ. Человѣкъ совершенно независимаго характера и, какъ ходили слухи, графъ былъ въ большихъ контрахъ съ правительствомъ—обстоятельство, достаточное у насъ въ Россіи для пріобрѣтенія популярности. Говорятъ, что Государь въ этомъ отношеніи подчинился обстоятельствамъ; интересно было бы знать, какихъ усилій стоило ему сложить съ себя часть власти, чтобы облечь сю своего подданнаго, къ которому, какъ указывала молва, онъ далеко не былъ расположенъ.

Это послѣднее обстоятельство, мнѣ кажется, много способствовало тѣмъ оваціямъ, какими встрѣтили графа Михаила Семеновича Москва и Петербургъ. Правда, эти оваціи были заслужены: онѣ относились къ той великой жертвѣ, которую графъ Михаилъ Семеновичъ принесъ, поступившись своимъ славнымъ отдыхомъ тогда, когда, казалось, онъ достигъ вѣнца своей карьеры, столь богатой великими событіями и ознаменованной добрыми дѣлами.

Въ самомъ дѣлѣ, по первому призыву своего Государя, онъ все бросаетъ для новыхъ трудовъ, чуждый всякой задней мысли, единственно повинувшись чувству долга и своей совѣсти, которыя повелѣваютъ ему поработать еще для общаго блага и славы русскаго оружія. Это былъ призывъ къ чувству чести дворянина, и графъ Воронцовъ не задумался откликнуться на него.

Государь собственноручнымъ письмомъ предложилъ ему принять званіе главнокомандующаго Кавказской арміею и намѣстника, но предложеніе это оставалось для всѣхъ тайной. Курьеръ, съ которымъ оно было послано, пріѣхалъ въ Алупкинскій дворецъ ночью; графа разбудили, и онъ немедленно продиктовалъ свой отвѣтъ, а часъ спустя курьеръ уже мчался обратно въ Петербургъ.

На Кавказѣ, какъ мною уже упомянуто, извѣстіе объ этомъ назначеніи произвело огромное впечатлѣніе; войска съ восторгомъ привѣтствовали героя Краона и участника многихъ сраженій; старые

грузины—того, кто еще молодымъ офицеромъ сражался въ ихъ рядахъ въ славныя побѣдныя времена князя Циціанова.

Для торговли и промышленности, казалось, наступила новая эра при тѣхъ новыхъ условіяхъ, которыя должны были вскорѣ водвориться въ Новороссіи и Закавказскихъ губерніяхъ. Русскіе кавказцы рассчитывали освободиться отъ непосредственной зависимости отъ Петербурга, служившей для нихъ предметомъ постоянныхъ жалобъ и создававшей имъ положеніе, которое такъ мало согласовалось съ ихъ фрондерскимъ складомъ ума, съ ихъ либеральными идеями, съ ихъ стремленіями къ самостоятельности и оппозиціоннымъ отношеніемъ ко всему тому, что не исходило отъ нихъ самихъ¹⁾.

Такой складъ ума (духъ) особенно сильно обозначается въ этомъ краѣ, и мнѣ кажется, что его порождаетъ сама природа; онъ впитывается вмѣстѣ съ воздухомъ этой дикой и величественной природы.

Мусульманскія народности Кавказа не могли не знать, что графъ Воронцовъ неоднократно выступалъ защитникомъ и покровителемъ ихъ братьевъ—Крымскихъ татаръ.

Извѣстіе о назначеніи графа Воронцова привело противника въ смущеніе, и онъ съ любопытствомъ ожидалъ появленія новаго начальника, которымъ только и были заняты всегда освѣдомленные новостями базарные слухи городовъ, ауловъ и станицъ. Наконецъ, всѣ, а въ особенности низшіе классы населенія, привѣтствовали въ Воронцовѣ идола азіатскихъ народовъ и человѣка, соединявшаго съ громаднымъ богатствомъ еще и всемогущество.

Я хочу еще остановиться на той рѣзкой разницѣ, которая существовала между впечатлѣніемъ, произведеннымъ назначеніемъ графа Воронцова на умы населенія Россіи и Кавказа, и на различіи тѣхъ чувствъ, съ которыми это назначеніе было встрѣчено въ обѣихъ странахъ. Въ Россіи на назначеніе графа смотрѣли какъ на окончаніе этой непопулярной войны, дабы обновить (regenerer) край, отъ котораго уже съ давнихъ поръ требовали вознагражденія за принесенныя для него жертвы. Въ Азіи же, за небольшимъ лишь исключеніемъ, русскіе кавказцы, равно богатые и бѣдные, видѣли въ Воронцовѣ освободителя.

Одинъ надѣялся при его помощи составить себѣ состояніе, другой—карьеру, третій заручиться извѣстнымъ вліяніемъ въ

¹⁾ Если рѣчь идетъ по вопросу скорѣйшаго покоренія Кавказа и установленія правильныхъ отношеній къ мирнымъ и немирнымъ туземцамъ, то русскіе кавказцы были совершенно правы, ибо всѣ петербургскія указанія и планы совершенно не отвѣчали свойствамъ Кавказа и его обитателей и къ этой независимости стремились рѣшительно всѣ намѣстники, начиная съ Ермолова.

дѣлахъ, или, по крайней мѣрѣ, хотя бы намекомъ на подобное вліяніе, что служило бы ему средствомъ для достиженія первыхъ двухъ благъ.

Понятія объ общественномъ благосостояніи и общественной пользѣ, даже въ самомъ узкомъ значеніи слова, еще не перешли ни за Терекъ, ни за Кубань, и было бы совершенно напрасно искать равнозначущаго выраженія на татарскомъ, грузинскомъ и даже армянскомъ языкахъ.

Отъѣздъ графа Воронцова изъ Одессы былъ триумфомъ для его прошлаго, его пріѣздъ на Кавказъ и въ особенности въ Тифлисъ—триумфомъ настоящаго и надеждой на триумфъ будущаго.

Графъ проѣхалъ по всему восточному побережью Чернаго моря, осмотрѣвъ нѣсколько главныхъ приморскихъ пунктовъ, проѣхалъ черезъ Мингрелію и Имеретію и 22-го марта прибылъ въ свою новую столицу. Я имѣлъ честь сопутствовать графу въ эти края, которые я уже зналъ и которые я съ удовольствіемъ видѣлъ вновь, такъ какъ ихъ созерцаніе было мнѣ первымъ ствлеченіемъ отъ впечатлѣній тягостной потери, которой Господу Богу угодно было меня испытать. Не буду останавливаться на этихъ подробностяхъ, чтобы скорѣе перейти къ началу кампаніи.

Энтузіазмъ къ новому начальнику былъ безграничный: никогда еще населеніе Тифлиса не видѣло въ представителѣ всемогущаго сардаря, болѣе ласковаго пріема, ни большей доброты и мягкости въ соединеніи съ такимъ величіемъ. Таково было впечатлѣніе на массы. У лицъ же, окружающихъ графа, къ этому общему впечатлѣнію присоединилось еще и удивленіе и нѣкоторое смущеніе, такъ какъ новый начальникъ не походилъ ни на одного изъ своихъ предшественниковъ. Строились всевозможныя догадки, старались его поймать на чемъ-нибудь, испытывали, но онъ не поддавался никакому объясненію и оставался неуязвимъ. Своей непроницаемостью, въ этой странѣ интригъ, графъ Воронцовъ приводилъ въ отчаяніе самыхъ бывалыхъ и продувныхъ. Отъ Воронцова уходили съ убѣжденіемъ, что онъ остается загадкой, тайной; „онъ насъ всѣхъ проведетъ“, передавали другъ другу на ухо. Блистательное доказательство превосходства ума графа! Воображеніе азіатовъ было поражено и всѣми овладѣло чувство страха. Вообще страхъ являлся здѣсь чѣмъ-то новымъ, такъ какъ на Кавказѣ, уже съ давнихъ поръ, не боялись ничего и никого, такъ слабо было здѣсь правительство¹⁾.

¹⁾ То есть послѣ Ермолова, бывшаго грозою всѣмъ непокорнымъ, непослушнымъ и лѣнивымъ, и удаленіе Ермолова изъ Кавказа нанесло громадный ущербъ утвержденію нашей здѣсь государственности и успѣху покоренія Кавказа, и много еще прошло времени, пока, наконецъ, мы взялись за умъ.

Въ этотъ первый свой прїѣздъ графъ Воронцовъ оставался въ Тифлисѣ всего мѣсяцъ. Время открытія кампаніи приближалось и для Петербурга въ Кавказскомъ вопросѣ военныя дѣйствія представляли главный интересъ. Вслѣдствіе этого въ возможной степени были собраны войска и произведены гигантскія приготовленія, долготѣ неизвѣстныя.

Никогда еще не находилось въ сборѣ такого числа отдѣльныхъ отрядовъ для одновременнаго дѣйствія на самыхъ противоположныхъ пунктахъ обширной операціонной базы и на этотъ послѣдній планъ дѣйствій кавказскіе стратеги возлагали самыя блестящія надежды (!?)¹⁾. Никогда еще отряды эти не имѣли такой численности, особенно же главный отрядъ, при которомъ долженъ былъ находиться самъ главнокомандующій—это была цѣлая армія²⁾.

Эти обширные замыслы созрѣли въ Петербургѣ; тамъ зародилась идея этого похода (кончить все однимъ рѣшительнымъ ударомъ), порученнаго графу Воронцову и предназначеннаго служить дополненіемъ (развитіемъ) похода, не состоявшагося въ прошломъ 1844-мъ г. На Кавказѣ, противно петербургскимъ воззрѣніямъ, не видѣли надобности этого похода и не вѣрили въ блестящее его окончаніе.

Если въ столицѣ находили, что нужно было энергично вести войну и все кончить силой оружія³⁾, то на Кавказѣ, наоборотъ, съ этимъ не соглашались и не строили себѣ никакихъ иллюзій въ успѣхѣ похода. Впрочемъ, всѣ были того мнѣнія, что нужно было поднять славу нашего оружія и предпринять что-либо значительное;

¹⁾ Это не вполнѣ справедливо. И здѣсь, какъ увидимъ сейчасъ же далѣе, Бенкендорфъ себѣ въ нѣкоторой степени противорѣчитъ: это петербургскіе стратеги возлагали блестящія надежды, но не кавказскіе, которые, какъ это теперь доподлинно извѣстно, подвергли проекты похода 44 и 45-го годовъ большой критикѣ, а наиболѣе авторитетные подавали записки (кн. Аргутинскій) и откровенно высказывались Воронцову (Фрейтагъ), или просто фрондировали (Лабынцевъ, Ковалевскій и др.).

²⁾ По свидѣтельству другого участника, князя Дундукова-Корсакова, называвшаго главный отрядъ арміею Ксеркса, организація, составъ и численность главнаго отряда подверглись на Кавказѣ большому осужденію, особенно свита графа Воронцова и штабы его и Лидерса, что вепомѣрно увеличило вьючный обозъ, составлявшій всегда слабую сторону горныхъ экспедицій. Во всемъ остальномъ Бенкендорфъ правъ, такъ что его слѣдуетъ причислить къ кавказцамъ, здраво смотрѣвшимъ на дѣло, и онъ только, по свойственной ему скромности, мало подчеркиваетъ свое пониманіе условій успѣха войны и экспедиціи 1845-го года.

³⁾ Главное—однимъ ударомъ, въ одинъ походъ, что и составляло главную ошибку этого плана, ибо Кавказская война требовала системы и основательной и продолжительной подготовки, равно и наступленія со стороны Чечни и никомъ образомъ не со стороны Дагестана. *Б. К.*

полагали, что взятіе Тилитя, центра непріятельскаго господства на югъ, и занятіе Анди, страны до сихъ поръ для насъ неизвѣстной, о которой рассказывались чудеса, дасть намъ огромныя преимущества. Было извѣстно, что Анди недовольна режимомъ Шамиля, что жители желали нашего прихода, даже требовали его; мы же ласкали себя надеждой, что отложеніе андійцевъ повлечетъ за собой отложеніе отъ Шамиля и другихъ народовъ Дагестана, привыкшихъ всегда слѣдовать примѣру Анди. Это предположеніе казалось тѣмъ болѣе обоснованнымъ, что всѣ народности Чечни и Дагестана одинаково испытывали тягость владычества Шамиля и что давно уже ничто это владычество не одушевляло. Начать съ того, что религіозный фанатизмъ привелъ въ Дагестанѣ все къ одному и тому же уровню, замѣняя собой власть, какъ монархическую, такъ и демократическую, бывшую доселѣ исключительно въ рукахъ духовенства; воплотившись въ Шамиля, отъ котораго исходило все могущество, фанатизмъ этотъ, породившій священную войну, давнымъ давно погасъ, остановленный въ своемъ порывѣ съкирой этого человѣка, сдѣлавшагося представителемъ державы скорѣе политической, чѣмъ религіозной.

Съ потерей Дагестана Шамиль терялъ половину своего могущества и у него оставалась только Чечня. Принимая въ соображеніе, что при помощи горцевъ онъ держалъ въ страхѣ жителей равнинъ и лѣсовъ и, наоборотъ, легко оцѣнить все значеніе удара, который мы собирались ему нанести ¹⁾.

Въ то время между нами не было пророковъ, и никто изъ насъ не предугадалъ той степени силы, которую проявилъ Шамиль ²⁾.

Когда Шамиль лишился Анди, по невозможности ея обороны, то онъ сдѣлалъ то самое, что сдѣлала наша первопрестольная столица, воодушевленная благороднымъ патріотизмомъ. По его приказанію, прежде, чѣмъ се покинуть, мюриды сожгли и опустошили всю долину и силой угнали жителей, которые, изнемогая подъ тяжестью и бѣдствій и лишеній, уже не могли распорядиться своей судьбой, несмотря на присутствіе нѣсколькихъ тысячъ русскихъ штыковъ, пришедшихъ на ихъ освобожденіе. Но такъ какъ мы не

¹⁾ Бѣдный средствами для жизни Дагестанъ имѣлъ меньшее значеніе, чѣмъ Чечня, служившая ему источникомъ средствъ, т. е. базой для веденія войны, и 14 лѣтъ спустя только занятіе нами Чечни рѣшило судьбу кампаніи. Б. К.

²⁾ Т. е. изъ лицъ, окружавшихъ графа Воронцова, но внѣ этого круга пророковъ было много, начиная съ генераловъ—*Фрейтага*, князя *Аргутинскаго*, *Бebutова*, *Лабунцева*, *Ковалевскаго* и кончая другими, игравшими скромную сравнительно роль. Б. К.

предусматривали подобной системы обороны, то успѣхъ похода казался возможнымъ и даже вѣроятнымъ ¹⁾. Старые кавказцы вообще безмолвствовали, удерживаясь отъ критики предстоящаго, но вторую половину похода, долженствовавшую разыгратъ на театрѣ Ичкеріи (т. е. уже въ Чечнѣ), они даже одобряли ²⁾; тѣ же, кто предчувствовалъ неудачи, таили эти предчувствія про себя, не высказывались и подчинялись общему увлеченію, и всѣ вообще только и думали о томъ, какъ бы только сразаться подъ знаменами графа Воронцова.

Я имѣлъ честь сопровождать главнокомандующаго въ его поѣздѣ отъ Тифлиса до Владикавказа, вдоль рѣки Сунжи и частью по линіи Терека до Кизляра и въ Темиръ-Ханъ-Шуру. Эта поѣздка заканчивалась укрѣпленіемъ *Ташъ-Кичу*—предварительнымъ сборнымъ пунктомъ для чиновъ главной квартиры графа Воронцова. Эти восемь дней пребыванія въ Ташъ-Кичу я провелъ въ кружкѣ жуировъ. Я помѣщался въ татарскомъ аулѣ.

Миша Лобановъ и я помѣстились въ саклѣ нашего кунака, нѣкоего Нуцала, молочнаго брата князя Хасаева ³⁾. Я не имѣлъ никакихъ опредѣленныхъ занятій у графа Воронцова и былъ бы крайне недоволенъ имѣть таковыя, что включило бы меня въ составъ штаба на всю кампанію. Въ походѣ я всегда избѣгалъ большихъ и малыхъ штабовъ, и мнѣ всегда удавалось остаться въ строю, а чаще всего получать командованіе отдѣльной частью.

Свою службу на Кавказѣ я началъ въ 10-ой ротѣ Кабардинскаго Егерскаго полка, въ томъ самомъ полку, въ которомъ, въ Грузіи, на берегахъ Алазани, въ 1804-мъ году началъ свою военную службу покойный дядя мой, графъ Александръ Бенкендорфъ. Продолжалъ я свою службу въ Черноморскомъ казачьемъ полку. Въ 1836-мъ году покойный генералъ Вельяминовъ, по рекомендаціи адъютанта военнаго министра барона Павла Вревскаго, поручилъ мнѣ командованіе казачьей полусотней отборной конницы, которая составляла резервъ горскаго (изъ черкесъ) эскадрона, принявшаго дѣятельное участіе въ осенней экспедиціи въ окрестностяхъ Анапы.

Въ 1842-мъ году военный министръ графъ Чернышевъ, котораго я имѣлъ честь сопровождать въ его интересной поѣздкѣ по

¹⁾ Едва-ли даже при этихъ условіяхъ и не придаетъ ли Бенкендорфъ слишкомъ большое значеніе покоренію Авдіи, вѣдь вопросъ въ томъ, могли ли бы мы потомъ удержаться въ Авдіи. Б. К.

²⁾ Бенкендорфъ ихъ не называетъ. Б. К.

³⁾ Кумыкскаго князя, равно какъ и аулъ Ташъ-Кичу Кумыкскій; кумыки, которыхъ, по мѣстнымъ условіямъ, мы могли прикрывать, крѣпко насъ держались.

Кавказу, прежде, чѣмъ вернуться въ Петербургъ, предоставилъ меня въ распоряженіе полковника *Фрейтага*. Этому выдающемуся офицеру, нынѣ (въ 1856 г.) генераль-лейтенанту, было поручено занять расположеніе бывшего аула *Ойсунгуръ*, возвести здѣсь укрѣпленіе и оборонять такъ называемую *Кумыкскую плоскость*. Онъ предоставилъ мнѣ командованіе кавалеріею своего отряда въ составѣ Донского казачьяго полка и сотни линейцевъ; это было блистательно для начала.

Сообщилъ Б. М. Колюбакинъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

